

Б. Штейфон

Кризис добровольчества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б. Штейфон
Б11 Кризис добровольчества / Б. Штейфон – М.: Книга по Требованию, 2014. –
132 с.

ISBN 978-5-458-55320-9

Ещё одни мемуары "с той стороны". Написаны командиром добровольческого полка. Почему "добровольческого"? Потому что в него никого не мобилизовывали. Ему не полагалось подкреплений. В него могли только "вступить добровольно". Или... сдаться ему в плен, чтобы встать в строй.

ISBN 978-5-458-55320-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I

Оборона Донецкаго бассейна.

Апрѣль 1919 года являлся самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ въ періодѣ обороны бѣлыми войсками Донецкаго бассейна.

Совѣтское правительство, переживавшее время жесточайшей экономической разрухи, напрягало всѣ усилія, дабы захватить каменно-угольный районъ.

Генералъ Деникинъ, прекрасно понимая жизненное значеніе „Донбаса“ для Совдепии, въ свою очередь отстаивалъ всѣми своими возможностями этотъ районъ. Борьба велась затяжная, утомительная и жестокая.

Несмотря на крайне печальное общее состояніе совѣтскихъ войскъ, въ своей массѣ совершенно развращенныхъ революціей 1917 г., красное командованіе все же имѣло не мало преимуществъ по сравненію съ нами. Оно обладало громаднымъ, многомилліоннымъ человѣческимъ резервомъ, колоссальными техническими и матеріальными средствами, оставшимися, какъ наслѣдство послѣ Великой войны. Это обстоятельство и позволяло краснымъ направлять все новыя и новыя части для овладѣнія Донецкимъ бассейномъ.

Какъ ни превосходила бѣлая сторона и духомъ и тактической подготовкой, все же это была лишь небольшая горсточка героевъ, силы которыхъ уменьшались съ каждымъ днемъ. Имѣя своею базой Кубань, а сосѣдомъ — Донъ, т. е. области съ яркимъ казачьимъ укладомъ, ген. Деникинъ былъ лишенъ возможности пополнять казачьимъ контингентами свои частн въ мѣрѣ ихъ дѣйствительной потребности.

Его мобилизаційные возможности ограничивались, главнымъ образомъ, офицерскими кадрами и учащейся молодежью. Что касается рабочаго населенія, то призывъ его въ войска былъ нежелателенъ по двумъ мотивамъ: во-первыхъ, по своимъ политическимъ симпатіямъ, шахтеры не были явно на бѣлой сторонѣ и потому являлись элементомъ ненадежнымъ. Во-вторыхъ, мобилизація рабочихъ немедленно уменьшила бы добычу угля.

Крестьянство, видя малочисленность добровольческихъ войскъ, уклонялось отъ службы въ строю и видимо выжидало. Уѣзды къ юго-западу отъ Юзовки находились въ сферѣ вліянія Махно.

Ведя ежедневно борьбу, наши части несли большія потери убитыми, ранеными, больными и таяли съ каждымъ днемъ. Въ подобныхъ условіяхъ войны наше командованіе только доблестью войскъ и искусствомъ начальниковъ могло сдерживать натискъ красныхъ. Какъ правило, резервовъ не было. Добивались успѣха, преимущественно, маневромъ: снимали что могли съ менѣе атакованныхъ участковъ и перебрасывали на участки угрожаемые. Рота въ 45-50 штыковъ считалась сильной, очень сильной!

Не мало досаждали въ то время и бронепоезда красныхъ. Пользуясь своими техническими преимуществами и не опасаясь нашей малочисленной артиллеріи, поездъ эти дерзко врываются въ расположеніе добровольцевъ и, почти безъ риска для себя, разстрѣливали рѣдкія малочисленные цѣпи бѣлыхъ. При появленіи нашихъ бронепоездовъ, красные, обычно, отходили, не принимая боя.

Всякая боевая техника сильна и страшна до тѣхъ поръ, пока не изобрѣтено „противоядіе“. Такимъ противоядіемъ явился... штабсъ-капитанъ Манштейнъ. Совсѣмъ молодой человекъ, потерявшій, во время Великой войны, лѣвую руку, тихій, застѣнчивый, съ мягкими чертами лица, онъ обладалъ и огненной душой и величайшимъ мужествомъ. Командуя баталіономъ Дроздовскаго полка, шт.-кап. Манштейнъ „изо-

брѣль“ способъ борьбы съ красными бронепоездами.

При подходѣ бронепоезда къ участку баталіона, рота, находившаяся у линіи желѣзной дороги, начинала отходить. Красные, увлекаясь ея преслѣдованіемъ, проникали за линію расположенія остальныхъ ротъ баталіона. Какъ только это случалось, фланговые роты немедленно бросались въ тылъ бронепоезда и быстро взрывали полотно. Видя, что путь отхода отрѣзанъ, прислуга броневика обычно терялась. Въ этотъ психологическій моментъ Манштейнъ уже несся со своими ротами къ бронепоезду и атаковывалъ его.

Подобная лихость скоро отучила красныхъ отъ безнаказанной дерзости, а имя доблестнаго штабсъ-капитана— „однорукаго черта“,—стало грознымъ для большевиковъ.

Добровольческими войсками въ Донецкомъ бассейнѣ командывалъ командиръ II корпуса ген. Май-Маевскій. Онъ являлся и высшей гражданской властью для даннаго района.

Человѣкъ несомнѣнно способный, рѣшительный и умный, Май-Маевскій обладалъ однако слабостью, которая, въ концѣ концовъ, парализовала всѣ лучшія стороны его души и характера, принесла много вреда бѣлому дѣлу и преждевременно свела генерала въ могилу.

Впервые я встрѣтился съ нимъ въ Декабрѣ 1918 года, въ Юзовкѣ. Имѣя служебное порученіе, я явился на квартиру командира корпуса.

Средняго роста, полный, съ профилемъ „римскаго патриція временъ упадка“, онъ былъ красенъ и возбужденъ. Когда я вышелъ отъ Мая и затѣмъ высказалъ кому то свои впечатлѣнія объ этомъ странномъ визитѣ, то мнѣ разъяснили причины моего удивленія.

— А вы когда были у Мая? До его обѣда или послѣ?

— Думаю, что послѣ, такъ какъ денщикъ до-

ложилъ, что „генераль сейчасъ кончаютъ обѣдать, просятъ подождать“.

— Ну такъ Май былъ, просто, на взводѣ!.

Подобное упрощенное объясненіе, повидимому, соотвѣтствовало истинѣ.

Въ дальнѣйшемъ я сталъ чаще встрѣчаться съ ген. Май-Маевскимъ и убѣдился, что онъ, дѣйствительно, питаетъ слабость къ вину. Слабость обратилась въ привычку, однако, это обстоятельство если и мѣшало его боевой работѣ, то во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ въ харьковскій періодъ. Къ тому же, его начальникъ штаба ген. Агапѣевъ умѣлъ благотворно вліять на своего начальника, и Май, безъ особеннаго внутренняго сопротивленія, поддавался этой благодѣтельной опеке.

Въ Донецкомъ бассейнѣ я былъ начальникомъ штаба 3-й пѣхотной добровольческой дивизіи, входившей въ составъ II корпуса.

Командиръ корпуса, во время боевъ, часто вызывалъ меня къ аппарату и запрашивалъ о положеніи дѣлъ, проявляя, обычно, и правильное пониманіе обстановки и большое мужество.

Однажды, когда я еще не успѣлъ узнать ген. Май-Маевского, на участкѣ дивизіи назрѣвала очередная неустойка. Резервовъ не было. Артиллерія умолкла, она отходила. Наши слабыя пѣхотныя цѣпи были оттѣснены и съ трудомъ удерживались на тыловой позиціи.

Застучалъ телеграфный аппаратъ:

— У аппарата ген. Май-Маевскій. Какова у васъ обстановка?

Я доложилъ. Утѣшительнаго было мало.

— Что же вы думаете дѣлать?

— Сейчасъ изъ Юзовки высылаемъ во флангъ „Генерала Корнилова“*). Двѣ Дроздовскія роты направляемъ для удара съ другого фланга. Черезъ

*) Брвепоездъ.

10—15 минутъ батарея займетъ новую позицію и откроетъ огонь.

Аппаратъ „задумался“. А затѣмъ черезъ минуту:

— Я самъ сейчасъ приѣду на атакованный участокъ. Продержитесь?

— Продержимся Ваше Превосходительство. Не беспокойтесь!

Въ фигурѣ М.-Маевского было мало воинственнаго. Страдая отдышкой, много ходить онъ не могъ. Узнавъ о его намѣреніи приѣхать, я отнесся скептически къ подобному намѣренію и не возлагалъ особыхъ надеждъ на приѣздъ командира корпуса.

Черезъ $\frac{1}{2}$ часа генералъ былъ уже у нашихъ цѣпей. Большевицкія пули шелкали по паровозу и по желѣзной обшивкѣ вагона.

Май вышелъ, остановился на ступенькахъ вагона и не обращая вниманія на огонь, спокойно разсматривалъ поле боя.

Затѣмъ грузно спрыгнулъ на землю и пошелъ по цѣпи.

— Здравствуйте Н-цы!

— Здравія желаемъ Ваше Пр-во.

— Ну что заробѣлъ? — обратился онъ къ какому то солдату.

— Никакъ нѣтъ. Чего тутъ робѣть!

Молодецъ. Чего ихъ бояться такихъ-сякихъ.

Черезъ 5 минутъ раздалась команда командира корпуса:

— Встать! Впередъ! Гони эту сволочь!

Наша рѣдкая цѣпь съ громкимъ крикомъ „ура“ бросилась впередъ. Большевики не выдержали этого порыва и положеніе было восстановлено.

Описанный эпизодъ и еще нѣсколько подобныхъ случаевъ побудили меня расцѣпивать ген. Май-Маевского уже иначе, чѣмъ я это дѣламъ, когда находился подъ впечатлѣніемъ своего, перваго съ нимъ, свиданія.

Безспорно, въ душѣ Мая горѣлъ тотъ огонекъ, какой отличаетъ всякаго истиннаго военнаго.

И когда этотъ огонекъ не бывалъ заливаемъ виномъ, Май-Маевскій проявлялъ и ясный умъ и правильность сужденія.

Въ Донецкомъ бассейнѣ, благодаря вліянію ген. Агапѣва и старшихъ чиновъ штаба, Май если и пилъ, то пилъ сравнительно умѣренно. Онъ любилъ пить въ компаніи, вести при этомъ разговоры, а для подобнаго времяпрепровожденія обстановка ежедневныхъ боевъ мало располагала. Да и не было подходящихъ компаніоновъ.

Иногда, правда, обстановка такъ складывалась, что сдержать Май-Маевского было уже невозможно. Такъ однажды, когда положеніе было крайне тяжелымъ, изъ Штаба Главкомандующаго получилось сообщеніе о томъ, что на слѣдующій день сосредотачивается въ Донецкомъ бассейнѣ конный корпусъ ген. Шкуро. Этому корпусу давалась задача пройти по тылу противника и тѣмъ облегчить общее положеніе нашихъ войскъ.

На слѣдующій день прибылъ въ своемъ поѣздѣ и ген. Шкуро. Въ одномъ изъ купэ вагонъ-салона собрались старшіе начальники — ген. Май-Маевскій, ген. Шкуро, ген. Витковскій (начальникъ 3-й пѣх. дивизіи), ген. Агапѣвъ и я. Мы обсуждали подробности намѣченнаго рейда. Шкуро въ то время былъ въ ореолѣ своей славы. Молодой, энергичный, искренно вѣрящій въ свою звѣзду, онъ лишь первыя 10—15 минутъ сохранялъ генеральскую серьезность: обсуждалъ, соглашался, возражалъ. Чувствовалось, что онъ такъ глубоко убѣжденъ въ побѣдномъ исходѣ задуманнаго рейда, что наше мнѣніе его мало интересовало. Къ тому же, у Шкуро былъ блестящій начальникъ штаба ген. Шифнеръ-Маркевичъ, и потому командиръ коннаго корпуса зналъ, что Шифнеръ самъ все прекрасно разработаетъ.

Шкуро и Май встрѣтились, повидимому, впервые. Шкуро не сидѣлось. Онъ вставалъ, жестикули-

ровалъ... Май сидѣлъ грузно, чуть-чуть посапывалъ и добросовѣстно изучалъ по картѣ пути намѣченнаго рейда.

Его солидность, годы, генеральская внѣшность все это извѣстнымъ образомъ импонировало Шкуро и онъ величалъ Мая не иначе, какъ „Ваше Пр-во“.

Очень скоро въ дверяхъ нашего купэ появилась, на мгновенье, фигура адъютанта ген. Шкуро. Онъ сдѣлалъ своему начальнику какой то непонятный намъ „морговой знакъ“ и исчезъ.

Шкуро, не долго думая, хлопнулъ Мая по плечу:

— Ну, отецъ, пойдемъ водку пить!

Лицо М.-Маевского расплылось въ улыбку и обсужденіе рейда было прервано. Въ сосѣднемъ купэ былъ приготовленъ завтракъ. Давно невиданная закуска: семга, балыкъ, икра, омары, сыр...

— Выпьемъ-ка, отецъ, смирновки! — и изъ какой-то вазы съ льдомъ появилась бутылка смирновки.

„Отецъ“ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ.

Я съ интересомъ наблюдалъ за ген. Май-Маевскимъ. Онъ пилъ не жадно, очень прилично и, въ сущности, даже не много. Водка и скоро поданное въ изобилии шампанское вообще не производили на него видимаго впечатлѣнія. И только къ концу завтрака было замѣтно, что Май нагрузился.

Однако подобные эпизоды были рѣдки. Жизнь штабовъ корпуса и дивизіи проходила въ рамкахъ того суроваго аскетизма, какой вообще былъ свойственъ добровольческому фронту. Питались мы скверно и хронически недоѣдали. Дни проходили однообразно и нервно. Почти каждый день приходилось „возстанавливать положеніе“ на фронтѣ, постоянно нарушаемое большевиками. Мы жили оторванными отъ міра, въ обстановкѣ непрерывной, жестокой борьбы. Разнообразіе вносили случайные эпизоды.

Однажды я пообѣщалъ командиру Самурскаго полка выдать, имѣвшееся въ моемъ распоряженіи телефонное имущество. Командиръ обѣщалъ прислать

приемщика. Вечеромъ мнѣ доложили, что меня желаетъ видѣть какой то солдатъ. Раскрылась дверь и съ вопросомъ „можно войти?“, на порогѣ обрисовалась представительная фигура въ солдатской шинели, съ унтеръ-офицерскими нашивками.

Въ вошедшемъ унтеръ-офицерѣ я немедленно призналъ бывшего генералъ-лейтенанта Л. М. Болховитинова. Онъ былъ, во время Великой войны, начальникомъ штаба Кавказскаго фронта и для меня, тогда капитана генеральнаго штаба, являлся чрезвычайно высокимъ начальствомъ. Онъ зналъ меня прекрасно, такъ какъ я служилъ въ штабѣ арміи. Направляясь ко мнѣ, „унтеръ-офицеръ Болховитиновъ“ конечно былъ освѣдомленъ, кого онъ встрѣтитъ, но для меня его появленіе было жуткимъ.

— Узнаете? —

— Еще бы не узнать! Здравствуйте Леонидъ Митрофановичъ.

Мы сѣли и на нѣкоторое время забыли о телефонномъ имуществѣ. Оказалось, что ген. Болховитиновъ, одно время, служилъ у большевиковъ, а затѣмъ перешелъ въ Добровольческую Армію. Согласно тогдашнимъ правиламъ, онъ былъ судимъ, разжалованъ и посланъ рядовымъ на фронтъ. Какъ „хорошо грамотнаго“ его назначили въ команду телефонистовъ.

Мы душевно поговорили около двухъ часовъ. Л. М. заходилъ ко мнѣ еще нѣсколько разъ. Впослѣдствіи онъ былъ прощенъ и, затѣмъ, въ Крыму, я встрѣтилъ его прежнимъ энергичнымъ генераломъ.

Генералъ Болховитиновъ уже умеръ — и пусть Господь судить его за вольныя и невольныя прегрѣшенія. Во всякомъ случаѣ, у меня сохранилось о немъ воспоминаніе, какъ о крупномъ, незаурядномъ человѣкѣ. Свое разжалованіе онъ переносилъ съ большимъ достоинствомъ.

Теперь, когда многія бывшя страсти перегорѣли, ясно, что система подобныхъ судовъ была, по идеѣ ошибочна, ибо удерживала отъ перехода къ намъ

тѣхъ, кто подневольно служилъ у красныхъ. Фронтъ, всегда болѣе чуткій въ подобныхъ вопросахъ, чѣмъ тылъ, очень скоро призналъ несправедливость и вредность указанныхъ судовъ, и личной инициативой, молчаливо, но убѣжденно воспринялъ иной порядокъ: коммунистовъ уничтожалъ, а всѣхъ остальныхъ принималъ съ свои ряды.

Во всякомъ случаѣ, въ 1918 году примѣры ген. Болховитинова, Сытина и другихъ давали несомнѣнное удовлетвореніе широкимъ офицерскимъ кругамъ. Жестокія времена порождали и жестокую психологию.

* *
*

Несмотря на величайшую доблесть войскъ и на энергію и искусство начальниковъ, большевики медленно, но неуклонно вытѣсняли насъ изъ Донецкаго бассейна. Создавалось то большое неравенство силъ, уравнивать которое не въ силахъ даже легендарный героизмъ.

Остатки добровольческихъ частей полукольцомъ прикрывали ст. Иловайскую, послѣдній нашъ оплотъ въ каменно-угольномъ раіонѣ.

Тамъ размѣщался весь тылъ корпуса: лазареты, базы бронепоездовъ, скудные интендантскіе запасы и еще болѣе скудные склады снарядовъ и патроновъ.

Банды Махно уже стали появляться въ ближайшемъ тылу...

Всѣ, кто ослабѣли или поколебались духомъ, тѣ покинули наши ряды подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Оставались только сильные, дѣйствительно только цвѣтъ Добр. Арміи. Мы — начальники знали, что оставшіеся не сдадутъ. Они могутъ погибнуть, но не приспустятъ своего бѣлаго знамени.

На маленькой забитой составами станціи впереди Иловайской, въ вагонѣ ген. Май - Маевского былъ собранъ военный совѣтъ. Въ составъ его вошли: ген. Май - Маевскій, начальникъ I дивизіи ген. Колосовскій, начальникъ 3 дивизіи ген. Витковскій и ихъ начальники штабовъ.

Подъ аккомпаниментъ близкихъ выстрѣловъ, ген. Май - Маевскій предложилъ на обсужденіе два вопроса:

1) Можно ли рассчитывать при создавшейся обстановкѣ удержать Донецкій бассейнъ?

2) Если задача эта неосуществима, то слѣдуетъ ли удерживаться до конца или эвакуировать каменно-угольный районъ теперь же?*)

Разногласія не было. Совѣтъ единогласно призналъ, что при существующемъ соотношеніи силъ, удержать Бассейнъ невозможно.

По второму пункту было рѣшено: такъ какъ фактически почти весь угольный районъ находится въ рукахъ большевиковъ, а удержаніе Иловайской до конца приведетъ къ несомнѣнному истребленію нашихъ частей, являющихся, по существу уже не частями, а послѣдними кадрами, то ради сохраненія арміи не доводить обороны до конца, а отойти въ сторону Ростова, оставивъ въ районѣ Иловайской арьергарды, коимъ упорно и задерживать продвиженіе красныхъ.

Рѣшеніе это считалось секретнымъ и войскамъ не объявлялось. Съ тяжелымъ чувствомъ принимали мы это рѣшеніе. Слишкомъ много крови, усилий и воли потребовала пятимѣсячная оборона Донецкаго бассейна. Десятки разъ переходили изъ рукъ въ руки одни и тѣ же мѣста. И признавать себя побѣжденнымъ, было слишкомъ больно.

Радіусъ обороны становился все меньше и меньше. Красные бронепоезда со стороны ст. Еленовки (съ запада) били уже по западной окраинѣ Иловайской. Еще одинъ серьезный нажимъ—и войска западнаго участка были бы отброшены къ Иловайской.

И тутъ произошло чудо. То чудо, которое не разъ спасало насъ въ періоды, казалось, полной безвыходности.

*) Не располагая протоколомъ этого засѣданія, я не ручаюсь за точность редакціи вопросовъ. Смыслъ ихъ передавъ вѣрно.